
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Игорь Карлов
(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

ПИСАТЕЛЬ ПРОТИВ ПИПА

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член редколлегии журнала «Приокские зори».

«Против чего? Против кого?» — возможно, переспросит меня читатель, ознакомившись с заголовком. Это уж доподлинно известно, что такова судьба русского писателя — непременно быть против. Но на сей-то раз горемычный отечественный литератор с чем не согласен? С кем не в ладу? Опять костерит кого? Или, наоборот, оплеванный кем-нибудь, понурился, размышляя о тяжелой доле своей? Отвечаю: а все сразу! Впрочем, шутки в сторону. Предлагаемый читателю материал представляет собой отчет о встрече писателя Ю. М. Полякова с представителями нашей и зарубежной общественности. Означенный творческий вечер состоялся весной 2017 года, а прошло мероприятие в Посольстве Российской Федерации в Государстве Кувейт. Составлен отчет (почти стенографический) заведующим отделом международных связей редакции «Приокских зорь» И. Карловым, что ему и по должности положено, и включил в себя ответы господина Полякова не только на вопросы члена редколлегии «ПЗ», но и реплики

главного редактора «Литературной газеты» пандан высказываниям других участников беседы, а также никем специально не спровоцированные рассуждения писателя, публициста и общественного деятеля.

Юрий Поляков, получивший признание широкой публики во второй половине 80-ых, с тех пор уже не покидал олимпа литературной известности и на сегодняшний день является, возможно, самым «тиражным» беллетристом в России. Прославленный созданием романов, пьес, сценариев, Поля-

ков является еще и словотворцем. Ему, например, принадлежит авторство колоритного словечка «апофегей». Вот и вынесенная в заголовок аббревиатура ПИП придумана Поляковым. А означает она... Впрочем, не буду раскрывать ее смысл, сохрани интригу.

Итак, передаем слово самому Полякову.

Ю. М. Поляков о прошлом, настоящем и будущем «Литературной газеты»:

— Я тридцать третий главный редактор «Литературной газеты». Среди моих предшественников замечательные писатели: и Дельвиг, и Фадеев, и Кочетов, и Симонов, даже соавтор Ильфа Петров. Он не только написал в соавторстве «12 стульев» и «Золотой теленок», но и некоторое время еще побыл редактором «Литературной газеты», недолго, но побыл. Впрочем, пример Дельвига, первого редактора «Литературной газеты», доказывает, что эта должность довольно опасна. Дельвиг во время польского мятежа опубликовал перевод стихотворения французского поэта в поддержку польских сепаратистов, как сейчас бы сказали. Его вызвал к себе Бенкендорф, накричал на него. А Дельвиг был очень впечатлительным человеком, очень расстроился, пришел домой, с ним случилась горячка, и он умер. А я уже шестнадцатый год возглавляю газету. Конечно, бенкендорфов сейчас нет. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что Бенкендорф был человек достаточно объективный, он был государственный в тогдашнем понимании. Об этом не принято было говорить при советской власти, но сейчас, я думаю, об этом можно сказать. Издание культурологического еженедельника — дело убыточное. Так всегда было. Только при советской власти так не было. Когда один раз в середине девятнадцатого века «Литературная газета» попала в очень сложную материальную ситуацию, то третье отделение, которое, как нас учили в школе, только тем и занималось, что губило свободомыслие, за подписью Бенкендорфа выделило 30 тысяч рублей (большие деньги по тем временам) на поддержку «Литературной газеты». Все было не так однозначно. Но в конце девятнадцатого века газета закрылась, уже после отмены крепостного права. Начался рынок, и культурологическое издание «Литературная газета» не выдержало. А открылась она снова в 1929 году, и выход «Литературной газеты» ознаменовал изменение как внешней, так и внутренней политики СССР. «Литературная газета» стала знаком того, что советская власть отказалась от интернациональных мечтаний о всемирной революции. Поняли, что заниматься надо своей страной. Всемирная революция будет или не будет — никто не знает, а страну надо развивать. Именно тогда было принято решение потихонечку возвращать традиции имперской России, и на фоне тогдашней революционной прессы (а назывались газеты «Красная новь», «Новый мир», «Прожектор», «Смена», «Красная звезда» и т.д.) появляется вдруг «Литературная газета». Интеллигенция сразу сообразила: «Вдруг возобновили пушкинское издание... Что-то там, в Кремле, они затеяли!» Так оно и оказалось. Случайно же ничего не делается в политике, и во внешней, и во внутренней. Действительно, с конца двадцатых — начала тридцатых годов началась линия на возвращение традиций, более взвешенное отношение к имперскому прошлому, крах исторической школы Покровского (что тоже немаловажно), возвращение русских историков, которых успели загнать в ссылку, ученых, пытавшихся сказать, что до революции тоже люди жили и даже делали что-то хорошее. И вот после 1929 года «Литературная газета» развивалась как советский проект. Существовало специальное закрытое решение Политбюро по поводу «Литературной газеты», о том, что это будет своего рода «клапан свободомыслия», потому что люди, руководившие страной, понимали: однопартийная система требует каких-то противовесов. И если невозможно создать в той цивилизации такого противовеса, как политические партии, то эту функцию может выполнять критически настроенная пресса. И «Литературная газета» была избрана как раз таким

полигоном, где разрешалось говорить гораздо больше, чем в других изданиях. И когда Симонова назначили главным редактором «Литературной газеты», то он был вызван к Сталину, который сказал: «Мы здесь посоветовались, и вам можно будет говорить то-то, то-то, то-то. Мы вас будем очень ругать, топтать ногами. Вы не обращайте внимания. Все равно говорите. Это очень нужно». И в этом режиме газета работала много лет, расцвет ее произошел при А. Б. Чаковском. Вполне заслуженно несколько лет назад прямо напротив Моссовета на доме, где жил этот замечательный главный редактор, открыли мемориальную доску. На протяжении всего советского периода «Литературная газета» оставалась рупором интеллектуальной элиты. Но в девяностые годы руководить изданием стали люди с однозначно прозападным мировоззрением. Газета пришла в упадок. Это и понятно: в нашей стране либеральная идея (в нашей, русской, версии) крайне непопулярна. Если вы заметили, в той же передаче Соловьева, где я появляюсь, если у барьера стоят либерал и консерватор-патриот, обычно они еще рта не открыли, уже у патриота в двадцать раз больше голосов. Уже не надо проводить никаких плебисцитов и замеров. Все понятно. В конце девяностых с газетой была беда, ее тираж упал донельзя — с 6,5 миллиона экземпляров до 15—17 тысяч. И когда в 2001 году я пришел в газету, мы стали возвращать газете читателей, вернули ей пушкинский принцип полифоничности, потому что пресса не должна навязывать свою точку зрения, она не должна быть рупором какой-то очередной мо-ноидеологии. Она должна предложить читателю разные версии разных взглядов. А уж читатель пусть решает, какой взгляд ему ближе и интереснее. В этом режиме мы и работаем уже шестнадцатый год. Не без трудностей, но нам удалось вернуть читателя. Бывали у нас, конечно, и проблемы, потому что мы газета смелая. Последняя наша серьезная проблема возникла после публикации очень критического материала по поводу открытия Центра Ельцина в Екатеринбурге. Большинство газет критически отнеслось к этой акции, но мы возмутили людей, которые симпатизируют линии Ельцина, своей шапкой: «Мумификация позора». Эта шапка страшно всех рассердила. Поштормило нас серьезно. Но у нас сейчас свобода слова. Наша газета не государственная, и поэтому... они на нас обиделись, а мы на них обиделись. И все. И разошлись. Газета развивается. Я думаю, она не закроется, поскольку это достояние нашей культуры, как Третьяковская галерея, как МХАТ (мы даже старше, чем Художественный театр, и старше, чем Третьяковская галерея). Я надеюсь, что будут и тридцать четвертый, и тридцать пятый редактора.

О свободе принятия решений главным редактором средства массовой информации:

— Если принуждение тебя устраивает, не мешает тебе жить — оно и есть свобода. Абсолютно ни от чего не зависит, как справедливо говорил В. И. Ленин, невозможно. Во всяком случае, я за свою жизнь не встречал ни одного главного редактора, который ни от кого не зависит. Таких просто нет. Но зависеть надо от здоровых сил. Тогда это всем идет на пользу. Если же зависеть от мрачных, разрушительных сил, это идет во вред.

О том, почему, начав как поэт, стал прозаиком:

— Я развивался как литератор по той схеме, которая является классической. Практически все серьезные прозаики начинали как поэты. Одни не создали ничего значительного, поэтому мы просто не знаем об их поэтическом творчестве; другие, например, Бунин, были прекрасными поэтами. А. Н. Толстой очень был популярен как поэт, у него есть толстый том стихов. В. П. Катаев начинал как поэт, как представитель южнорусской поэтической школы, он тоже выпустил несколько книжек стихов. Совершенно нормально, если писатель начинает как поэт. Если прозаик начинает как поэт, то его проза всегда более насыщена, более богата по языку. Покажите

мне две странички прозы, и я сразу скажу: писал человек стихи или не писал. Это видно по структуре фразы, по словоупотреблению и т.д. Но настоящая поэзия обладает такой особенностью: поскольку это особое энергетическое состояние, как правило, оно быстро заканчивается. У того же Пушкина количество стихов по отношению к другим жанрам с возрастом стремительно убывает. И, если бы наш великий стихотворец остался жив, я думаю, он в основном перешел бы на прозу или на исторические труды. Хотя были и другие примеры, были поэты-долгожители. Например, А. Фет. Он долго жил, писал хорошие стихи до последнего момента. Тютчев до конца жизни писал блестящую философскую лирику. Но, как правило, поэт довольно быстро остывает. Рождение, развитие и умирание поэта я подробно описал в своем эссе «Как я был поэтом». Проза же — совершенно другой вид деятельности. Прозаик — это человек, который рассказывает истории.

О своем известном заявлении относительно того, что готов был бы писать «в стол», если бы это помогло сохранению Советского Союза:

— О том, что я был бы готов оставить свои острые первые вещи в столе, я стал говорить спустя довольно много лет. А в момент их написания я к такому готов не был! Меня страшно обижало, что их не печатали, что их запрещали. Это я потом понял, что самовыражение художника не может уравнивать на исторических весах сохранение цивилизационной преемственности, сохранение государственной мощи. Любая стремительная перестройка и перемена всегда обрушивает то, что создавалось. Это потом, с возрастом начинаешь понимать. Но все тоже было не так просто. Я вам один пример приведу. Когда у меня не печатали повесть «Сто дней до приказа», которую я написал в 80-ом году, то мне никто не говорил (а меня вызывали в ЦК, в КГБ, в Союз писателей): «Ты клеветешь на советскую власть». Все же все понимали. Каждые полгода полмиллиона молодых людей в нашем бескрайнем Советском Союзе приходили из армии домой, увольняясь в запас. Они приходили и рассказывали, что в армии есть проблемы, в том числе и проблема неуставных отношений. Я-то считаю, что проблемы Советской армии, где воспитательная работа хромала, с проблемами армии ельцинской, когда просто жрать было нечего в казарме, близко нельзя ставить. Но мы тогда жили в стабильном обществе, поэтому любое отклонение от того образца, который нам объявляли, нас ранило. Чем отличалась советская власть? Она все время говорила о том, что в стране все должно быть хорошо, что страна стремится к тому, чтобы удовлетворить все потребности населения, что власть должна народу служить. Народ принимал это за чистую монету и говорил: «Чего же вы так плохо служите? Вы же нам обещали, а вот это не сделали, вот это не сделали». А после 91-ого вы слышали от власти, чтобы она говорила: «Мы вам что-то должны»? Сейчас говорят: «Нет, с какой стати? А кто вам говорил, что жизнь — это подарок? Это тяжелая борьба». Вспомните идеи социал-дарвинизма 90-ых годов, когда Хакамада говорила шахтерам: «Идите ягоды с грибами собирайте». Это же была действительно идеология. И что ты с такой власти спросишь? Советская литература все время критиковала власть за то, что та не достигает обещанного идеала. Мы искренне были уверены, что литература должна бороться со злом, что зло, которое поднято на свет, и о нем сказано вслух, оно уже наполовину побеждено. Я тоже как советский писатель был воспитан именно таким образом. Поэтому, когда я писал свои первые вещи, я же не скрывая их писал, я был искренне уверен, что, если я напишу о недостатках, то положение дел исправится: в комсомоле исправится, в школе исправится, в армии исправится. Абсолютно искренне был уверен. С этим и писал. И вот что случилось с повестью «Сто дней до приказа». Ее запретили. Мне, конечно, обидно было, но я стал писать другую книжку. Уже «ЧП районного масштаба» написал. Стал писать «Работу над ошибками». О фронтовых поэтах написал, сидел в архиве... И вдруг

мне звонят из ГлавПура, где генерал армии Епишев провел совещание, на котором сказал: «Хватит нам, как страусы, прятать голову в песок. Давайте опубликуем повесть «Сто дней до приказа» в журнале «Советский воин», надаем этому автору за то, в чем он неправ, но проведем дискуссию и на материале этой повести и этой дискуссии разработаем методичку для замполитов, как бороться с неуставными отношениями». Мне-то казалось, что это очень верная была позиция. Но один из генералов встал и сказал, что в случае такой публикации он напишет особое мнение в военный отдел ЦК. Кому хочется связываться с военным отделом ЦК? Повесть не прошла. А через несколько лет я узнал, что этот генерал вдруг стал убежденным противником коммунистической идеологии. Его фамилия Волкогинов. Кто постарше, помнит его. И вот теперь я думаю, что в советском обществе была определенная социальная страта, которая видела свою задачу в том, чтобы недостатки советской цивилизации не изживались, а накапливались, достигая критической концентрации. Ведь это странное поведение. Если ты такой либерал, то почему ты выступал против повести, в которой была правда? Значит, ты во что-то играл. А во что ты играл? Я думаю, что настоящие секреты мы узнаем довольно нескоро. Некоторые вещи, которые происходили в нашей литературно-политической жизни в 30—40 годы, до сих пор закрыты. В нашей редакции лет десять назад состоял тогдашний руководитель ФСБ, и мы стали ему жаловаться, что вы не пускаете литературоведов в фонд такого-то писателя, не подпускаете к следственным делам такого-то писателя. Он ответил так: «У вас и без того в литературе авторитетов мало. Вы хотите, чтобы вообще их не осталось? Ну, мы вас пустим. Но потом пеняйте на себя». Я не согласился с ним тогда. А недавно в интернет просочилась информация о том, что поэтов-обэриутов арестовали по доносу Ираклия Андроникова. А я занимался обэриутами: Заболоцким, Олейниковым, Введенским. Я даже одно время книжку о Заболоцком хотел написать, и знаю, что Андроников с обэриутами дружил. Я подумал: «Боже мой! Зачем мне это знать? Я так любил и Андроникова, я так любил обэриутов. И жил бы я дальше без этого знания». Я, конечно, понимаю, что это малодушная позиция, но иногда соглашаешься с Екклесиастом, что во многом знании много печали.

Об актуальных политических взглядах:

— На мой взгляд, сейчас идея либерального консерватизма в нашем Отечестве и во всем мире весьма актуальна. Эта формула была придумана Пушкиным, который на вопрос Жуковского о его взглядах ответил: «Я либеральный консерватор, а может быть консервативный либерал. Я еще не решил».

О том, станет ли вновь Россия литературоцентричной страной:

— Понимаете, это вопрос, я бы сказал, на кандидатскую диссертацию. Это очень сложный культурологический, если хотите, мировоззренческий и политический вопрос. В России традиционно литература оказывала огромное влияние на умы, в отличие от некоторых других цивилизаций. Русская литература была тем полигоном, где обкатывались новые и философские, и политические, и даже экономические идеи. Сначала была «деревенская проза», а потом программа «Нечерноземье». И то же самое было в литературе девятнадцатого века: сначала освободили крестьян в литературе, а потом уже политически и экономически это сделали. Так было традиционно, а в советскую эпоху еще больше усилилось, потому что государство было во многом идеократическое. В таком обществе литература была очень важна, тем более, что литература, как и журналистика, во многом восполняла отсутствие многопартийной системы. Литература была своего рода оппозицией. Поэтому влияние литературы было огромно. Вспомните: любое советское произведение, даже очень слабо написанное, если в нем была критика, нетрадиционный, не освященный предварительными разрешениями взгляд на действительность, сразу становилось популярным. Мно-

гие советские вещи, которые мы читали запоем, сейчас и открывать бы не стали, потому что в них ничего нет, кроме откровения о... комплексной бригаде. Вы сегодня пересмотрите пьесу Гельмана «Премия». Вы будете недоумевать: «Мы это смотрели?!» Да, мы это смотрели, потому что настолько были заражены процессами, происходящими в социуме, что нам это было интересно. Мы получали почти художественное удовольствие вот от этой, грубо говоря, производственной темы. И надо сказать, что именно писатели сыграли огромную роль в перестройке, в том, что случилось в стране, влияли на умы. Это у меня описано в романе «Любовь в эпоху перемен». Когда изменилась политическая система, когда пришли к власти представители контрэлиты (слава богу, что не антиэлиты), то они, естественно, сразу стали думать о том, кто может у них отобрать власть. Любые люди, взявшие власть, начинают об этом думать. А большинство писателей события 91-ого года не приняли. Был узкий круг либеральных писателей (многие уже были прикормлены на Западе: как это делалось, это отдельный разговор), но основная часть писателей была потрясена геополитической катастрофой, чудовищным социально-экономическим обманом с этими «ваучерами» и т.д., и т.д. Писатели были настроены оппозиционно. Тогда совершенно сознательно литературу начали маргинализировать. Стали совершенно искусственно убирать влияние нашей литературы на общество. Делалось это как? Во-первых, если вы помните, критически настроенный писатель практически исчез из телевизора. Если в 80-ые и даже 70-ые писатель из телевизора не вылезал (все мы с вами вечера из Останкино смотрели), то в 90-ые годы он практически исчез. Стал всячески навязываться другой тип писателя... Даже не писателя. Я придумал для этого вида деятельности аббревиатуру ПИП:

персонифицированный издательский проект. Ведь многие книги, которые мы читаем (детективы, женские романы), их же пишет группа товарищей. Просто на фотографии одно лицо, а на самом деле там работает бригада. Они хоть и бред пишут, но его же нужно написать в таком количестве: каждый месяц новая книга. Так и сформировался ПИП, который, даже если попадал в телевизор, даже если встречался с читателями, говорил о мелких вещах. Писатель (не важно, либеральный или патриотический) начинал говорить о судьбах родной культуры, о судьбах народа. Если это национальный писатель в республиках СССР,— о судьбе языка, о недостатке культурных кадров, о проблемах территориальных, геополитических, связанных с тем, что членение Советского Союза было, скорее, административным, чем этно-историческим (из-за чего сейчас взрывается у нас то там, то здесь). То есть писатель говорил о главном, о суперпробемах. А ПИПы стали говорить о том, какая у них собачка, чем они ее кормят, где они отдыхают, какого цвета мебель они предпочитают в спальне и на кухне. Планка была обрушена. Обратите внимание: по телевизору нас несколько человек, которые бывают в политических ток-шоу, мы говорим на серьезные темы. А если вы увидите на экране ПИПа, то он говорит о чем угодно, только не о принципиальных вопросах. Затем в деле маргинализации литературы значительную роль сыграли литературные премии: «Букер», «Национальный бестселлер», «Большая кни-

га)... Сначала на премии выдвигали только развлекательную, аполитичную литературу, потом переключились на поддержание антисоветского тренда. В результате удалось писателя из властителя дум превратить в оказывателя развлекательных услуг, более-менее интеллектуальных: у Акунина чуть поинтеллектуальнее, у Донцовой совсем про собачек. Таким образом влияние литературы было искусственно опущено. Добились того, что литература перестала быть политическим фактором общественной жизни. Осталось несколько человек: Проханов, который иногда что-нибудь залепит, так что у всех уши торчком, Лимонов... Но это единицы. Как мощная интеллектуальная сила литература иссякла. На это наложился кризис союзов писателей, которые утратили функции министерства по делам литературы, а функции писательского профсоюза не обрели, потому что сегодня в перечне профессий Российской Федерации профессия писатель отсутствует. Профессия пескоструйщик есть, а профессии писатель нет. Это все звенья одной цепи. Инерционность данных культурных процессов очень опасна, потому что сейчас с точки зрения тех задач, которые перед собой поставило нынешнее политическое руководство России, нужна литература активная, формирующая мировоззрение, вернувшая себе воспитательные функции, от которых сознательно и декларативно отказались. Государство заинтересовано в том, чтобы литература снова находилась бы, как и церковь, в симфонических отношениях с властью. Общественную функцию литература утратила отчасти и сама, потому что неправильно себя позиционировала во времена национальной катастрофы 90-ых годов, но в основном это рукотворный политехнологический процесс. Я даже знаю людей во власти, которые этим занимались в 90-ые годы, в «нулевые», которые пытаются заниматься этим и сейчас. К сожалению, есть люди, которые считают, что превращение нашей страны, как это было раньше, в страну литературоцентричную, в страну слова опасно для либеральных «общечеловеческих» ценностей. За возрождением русской литературы видят пробуждение русского национализма (почему-то во всех странах слово «национализм» — это абсолютно нейтральный политический термин, только у нас это бранное слово; почему — мне не понятно). «Литературная газета» в меру отпущенных нам возможностей постоянно подталкивает литературный процесс к возвращению на намоленную, традиционную стезю. Но такая государственная структура как Агентство по печати придерживается абсолютно противоположной точки зрения, либеральной. В Агентстве считают, что литератор должен заниматься мелкими вещами или писать о том, чего не разделяет большая часть населения. А встраивать литературу в систему государственных отношений в Агентстве считают неправильным. Это либеральная точка зрения, лично я ее не принимаю. Нормально, когда писатель болеет о судьбе своего Отечества, хочет, чтобы оно процветало, не хочет, чтобы в очередной раз все закончилось крахом. Но и у нас довольно много влиятельных людей, которые придерживаются другой точки зрения: писатель пусть занимается собачками, а государством Российским будем мы заниматься, политехнологи. Одно время у нас целое министерство возглавляли люди, которые считали, что все искусство навсегда отделено от государства Российского, у них разные дорожки, и больше они никогда не сойдутся. Я думаю, что сойдутся. Время покажет. Это очень сложный вопрос. Он не решен.

О предложениях вынести тело Ленина из Мавзолея:

— Коммунистическая идея была позитивистской религией, и когда мне говорят, что надо выносить тело Ленина из Мавзолея, я спрашиваю: «А зачем? Вы же не выносите мощи наших святых из монастырей». Мне отвечают, что мощи — это святыня. Но тело Ленина — тоже мощи, мощи позитивистской религии, которая считала, что человеческий ум и наука настолько всеильны, что мы обойдемся без Господа Бога, сами построим рай на земле, все недуги одолеем, и даже мощи у нас будут не-

тленны благодаря науке, а не чуду Господню. Пусть это ошибочное суждение, но страна семьдесят лет в него верила. Пусть тело Ленина лежит на своем месте, как память, как символ вот этой позитивистской религии. Не мы заносили, не нам выносить.

О воспитательной роли литературы:

— Те, кто пытается игнорировать значение литературы в обществе, задаются вопросом: а почему литература должна воспитывать? С какой стати? Их оппоненты отвечают, что, начиная с христианской житийной, евангелической литературы, воспитательный потенциал произведений ценился чрезвычайно высоко. И этот спор ведется не только у нас. Совершенно неожиданно для меня недавно в Чехии перевели давнюю мою повесть «Работа над ошибками». Значит, их тоже волнуют вопросы воспитания, примера, который получает молодежь. Инволюционная тенденция наметилась очень явственно. Спустя, примерно, 20 лет после моей повести «Работа над ошибками» Алексей Иванов написал свой роман о школе — «Географ глобус пропил», — практически полностью повторив мой сюжет. Сравните: и в том, и в другом произведении в школу приходит новый учитель, приходит ненадолго, у него непросто складываются отношения с классом — один в один. Я даже где-то при встрече спросил А. Иванова, читал ли он мою повесть. Тот ответил отрицательно. Но я думаю, что он читал, но забыл. Вот и решил, что это его сюжет. Так в литературе часто бывает, я не обижаюсь. Но у меня учитель на излете советской власти пытается объединить учеников идеей литературоцентрической — поиском романа гениального писателя, погибшего на фронте. Идея высокая, и дети объединяются. А в новом романе учитель прельщает детей походом. Поход тоже дело неплохое с точки зрения воспитания гражданина. Но поход с тайным распиванием портвейна это одно, а поиски пропавшей рукописи это все-таки другое. Вообще же говоря, нынешние учителя в смысле литературных источников, на которых они могут воспитывать, поставлены в очень тяжелое положение. Если бы я сейчас был учителем, я бы караул кричал. Прежде всего, таких книг, которые по-взрослому, без поддавков, говорили бы с юным читателем на серьезные темы и одновременно подходили бы для изучения в школе, всегда было немного. Я помню списки тех книг, которые нам давали в школе для внеклассного чтения, и не могу сказать, что это была плохая литература. Там были вещи получше, похуже, но это все была качественная литература, хорошо написанная, с проблематикой, понятной детям. Но большая часть литературы адресована людям постарше. Например, такие мои вещи как «Небо падших» или «Замыслил я побег» все-таки рановато в школе читать, хотя они посвящены чисто семейным отношениям. А та литература, которая сейчас отчасти даже навязывается, если ориентироваться на «Большую книгу», на «Нацбестселлер», на «Букер»... Про эти книги детям надо объяснять, что в них неправда. Есть хорошие книги, есть. Они, к сожалению, не получают премии. В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация: книга позитивная, книга с любовью к своему Отечеству считается непремияльной. Премияльной она станет, если в ней есть какое-то скрытое раздражение, а то и откровенная нелюбовь к Родине. Большинство современных премиальных авторов без ГУЛАГа уже не могут написать, о чем бы ни шла речь! Сейчас вот нового раскручивают гения — Водолазкина. Начинает писать книжку Водолазкин. «Авиатор». Сюжет, конечно, безумно оригинальный: человека заморозили, потом разморозили. Я одних только кинокомедий видел десяток на эту тему. Ну, ладно. Не умеет человек сочинить сюжет — тут же начинается ГУЛАГ. Да подождите вы! Уже на эту тему писано-переписано. Для школ, для приобщения к литературе должна определенным образом подбираться литература. И она есть. Мы о ней пишем в «Литературной газете». Вот почему важно читать наши обзоры. Но такую литературу не пропагандируют. Я всегда привожу пример. Есть два современных историка, у которых практически полно-

стью написана история государства Российского — с современных позиций, достаточно живым языком. Одна серия книг либеральная, где как бы сквозь зубы говорится, что российская цивилизация — это тупиковая историческая ветвь, что-то в ней не так, что-то с самого начала неправильно. И славяне откуда-то неоткуда вышли, и княжили у них не те, да и потом все неправильно (кстати, такой взгляд всегда существовал в российской историографии). Это Акунин. Вторая версия патриотическая, гораздо более основательная в научном отношении, написана интереснее (я сам ее люблю читать). Это Валерий Шамбаров. Вот вы зайдете в Москве в любой магазин, и на видном месте увидите груды книг Акунина. А Шамбарова вы найдете с трудом — на верхней полке в дальнем углу магазина. И расскажите мне, что это случайно! Мы об этом пишем в «Литературной газете», но есть какие-то вещи, которые происходят помимо нас.

О современном крупном бизнесе:

— У меня был приятель, мы с ним познакомились в начале 90-ых годов, молодой, очень энергичный бизнесмен. Занимался, как и большинство наших бизнесменов, тем, что... как бы это поточнее сказать... использовал бюджет государства в личных целях. Это, кстати говоря, особенность нашего большого бизнеса (и чем больше бизнес, тем большую роль в нем играет бюджет). И пока у нас так будет, я думаю, что проблемы останутся.

О литературных юбилеях:

— Очень показательна была история с Солженицыным. Я здесь пал жертвой своего языка. Началось вот с чего. Мне прислали приглашение войти в юбилейный комитет по празднованию столетия со дня рождения Солженицына А. И. Я к нему отношусь с глубоким уважением, он был большой труженик, но он писатель не моего романа. Я считаю, что как художественный писатель он средний, как исторический писатель он устарел безнадежно, потому что уже все известно о каких-то эпизодах, а мы у него читаем, что 50 миллионов, 70 сидело. Какие 70 миллионов? А кто тогда строил? Кто воевал, кто детей растил, если 70 миллионов сидело, и еще 70 миллионов их охраняло? А все население составляло 170 миллионов. Я отказался войти в комитет, сказав, что, к сожалению, участие в нем в мои планы не входит. Мне бы на этом остановиться. Но вы же понимаете: «Остапа понесло». Я давал интервью где-то в четырнадцатом году, накануне моего юбилея. Меня спросили про юбилей Солженицына. Я говорю: «Конечно, юбилей Солженицына отмечать надо. Но нам в газету присылают письма из регионов, жалуются, что местное начальство спрашивает: какие мероприятия намечены в восемнадцатом году, как вы будете отмечать столетие Солженицына?» Так ведь еще четыре года! А про то, что у нас до этого будет столетие Константина Симонова, столетие Горького, двухсотлетие Тургенева — про это никто даже не помнит. Как же так можно?! Клином что ли свет сошелся на Солженицыне? Отметим, когда время придет. Так же нельзя тоже. Если у него жена активная, это не значит, что мы должны из-за этого забыть об остальных. К тому же мне совершенно не понятно, зачем в школе изучать «Архипелаг ГУЛАГ». Это сочинение называется «опыт художественного исследования». Это не научная вещь. Это его личная версия, которую, как и большинство его версий, наука не подтвердила. Он человек, обиженный на советскую власть, обиженный серьезно. Эта вещь должна, конечно, издаваться, ее надо читать, но не в школе, потому что она за счет искажения многих вещей прививает нелюбовь к своей Родине. Нужно изучать Солженицына в школе? Конечно, нужно. «Один день Ивана Денисовича». Вполне достаточно. И то с серьезными комментариями. Я своего интервьюера спросил: «За что Ивана Денисовича посадили?» — «Он колоски украл». — «Какие колоски?» — «Его ни за что, за анекдот посадили». — «Какой анекдот?» — «А за что его посадили?»

Его посадили за то, что он был дезертир. Он дезертировал во время войны из своей части. В любой армии мира его бы посадили, а в некоторых и расстреляли. Он не жертва. Он человек, который отбывает наказание (да, может быть, чрезмерно жестокое) за совершенное воинское преступление. Когда я служил в армии в группе советских войск в Германии, если бы я пошел пить пиво в гаштет и не вернулся бы к проверке, мне тоже дали бы штрафбат. А я после этого ходил бы и говорил: «Какая жуткая советская власть! Я всего-навсего пошел попить пива, а на меня навесили!» Солженицына надо изучать, но с комментариями. Вот такое мнение я высказал. Почему я

не могу его высказать? Но что тут началось! На меня навалилась вся наша либеральная общественность во главе с Натальей Дмитриевной. Но! Даже в этой ситуации было нечто полезное: стали рассматривать вариант, что не нужно изучать в школе «Архипелаг ГУЛАГ». И что самое главное: вспомнили о других юбилеях. Но Наталья Дмитриевна на меня очень серьезно обиделась. Показательный случай: с Натальей Дмитриевной мы оказались рядом на вручении государственных наград. А на таких мероприятиях все приглашенные рассаживаются в соответствии с разложенными на креслах бумажками. У нас кресла рядом в первом ряду: «Поляков» и «Солженицына». Все уже сели, только место Солженицыной не занято. Она не идет. Подходит распорядитель, берет бумажку с ее фамилией и переносит на другое кресло, а со мной рядом сажают другого человека. Она даже сесть со мной рядом не захотела, настолько ее обидело мое выступление. Я считаю, что вдове человека, который столько горькой правды о нашем Отечестве высказал за рубежом (и еще больше горькой неправды!), к критике в адрес своего супруга надо относиться терпимее. Мы

же терпели, когда критически высказывался Александр Исаевич покойный, царство ему, я надеюсь, небесное. Надо быть толерантнее. Но наши отечественные либералы никогда не отличались толерантностью. Это то, что великий Герцен называл либеральной жандармерией. Было у него такое высказывание еще аж в девятнадцатом веке.

О попытках ограничить вседозволенность на телевидении:

— Черт знает что иногда показывают по телевидению! Просто недопустимые вещи — они ниже плинтуса. Люди же не такие дебилы, чтобы с «Поля чудес» сразу попасть на другой канал в «Выиграй миллион». Передохнуть-то дайте! О жизни подумать чуть-чуть. Но видишь, как осторожно к этим вещам относятся наверху... Всегда лучше действует пример, чем дефиниции. Я помню, как однажды на Совете по правам человека (я одно время входил в Совет по правам человека при Президенте), мы встали, по-моему, четверо: Соловьев, Третьяков, я и еще кто-то из режиссеров, сейчас не помню. Мы предложили Президенту организовать Общественный совет по

телевидению. Этот совет мог бы состоять из представителей разных конфессий, разных направлений общественной мысли, специалистов по средствам массовой информации, видных деятелей культуры. Своего рода экспертная группа, которая будет решать, не слишком ли много на телевидении однотипных развлечений. Путин послушал нас и грустно-грустно говорит: «Вы же понимаете, что нас тут же все объявят полицейским государством». Мы пытались доказать, что Совет не будет проводить государственную линию, наоборот, если государство станет мешать деятелю культуры или ведущему передачи, то общественный совет за него заступится, выступит за свободу слова. Совет будет стоять на страже здравого смысла. Путин в ответ: «А кто будет с этим разбираться? Из любого нашего действия Запад сделает из этого очередную страшилку». Я в тот день передал Путину папку с материалами «Литературной газеты», с 17-ю специальными публикациями, в которых мы рассказали, как функционируют общественные советы по телевидению и радио во всех ведущих странах: в Америке, в Германии, в Израиле, во Франции — везде. Скажем, в Британии Общественный совет королева возглавляет, где-то премьер-министр, где-то уважаемый деятель культуры. Везде такие Советы действуют по-разному, но везде они есть. А если такой Совет возникнет в России, это сразу объявят наступлением на права человека. Почему? Непонятно... Так все и осталось, хотя мы несколько раз поднимали этот вопрос. Схожая ситуация и в литературе...

На этом закроем кавычки после прямой речи Ю. М. Полякова. Конечно, на диктофонной записи осталось еще несколько интересных суждений, случаев из жизни, писательских наблюдений. Но всего не передать, а сказанного довольно. В представленной читателю словесной мозаике содержится и обильная пища для размышлений, и, возможно, положения, которые ему захочется оспорить. И прекрасно! Давайте спорить. Давайте думать!

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

**ДОЖДЕМСЯ ЛИ МЫ НОВОГО
ДОСТОЕВСКОГО?**
(О рассказах Федора Ошевнева и не только)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Анализируя современный литературный процесс, большинство критиков, каждый на свой лад, «мусолят» шедевры (так и хочется это слово взять в кавычки) 25—30 литераторов, имена которых уже «набили оскомину».

В качестве весомых доказательств того, что современная русская литература переживает небывалый подъем, часто приводятся доводы, вызывающие, мягко говоря, недоумение.

Так, Марина Кравченко в статье «Современная российская литература: тенденции, проблемы, стили» пишет: «...современная российская литература существует и развивается». И далее: «И на это указывают многие признаки. Это и бурное развитие литературного премирования (сегодня в России существует более ста литературных премий). Это и достаточная активность российского книгоиздания. Это и проведение ежегодных литературных ярмарок. И, наконец, развитие литературного Интернета».

По логике М. Кравченко, если у нас будет не сто, а пятьсот литературных премий, если в пять раз возрастет активность российского книгоиздания и если литературные ярмарки будут проводиться не один, а пять раз в год, то и наша литература станет в пять раз лучше. Ну а если еще и раз в пять увеличить количество электронных литературных журналов, то читатели просто задохнутся от восторга, поглощая духовную пищу в виде прозы, поэзии и драматургии.

Иной читатель обвинит меня в ерничестве и посоветует обратить внимание на «громкие» имена писателей, о произведениях которых ведет речь М. Кравченко, пытаясь «кратко поразмышлять о некоторых тенденциях современной отечественной литературы». Сразу оговорюсь: читать заметки М. Кравченко достаточно интересно, есть над чем подумать. Но! Аргументы, подтверждающие успешное развитие современной русской литературы,— крайне неубедительны.

Как тут не вспомнить статью известного литературоведа Всеволода Сахарова «У нас была литературная критика». Рассуждая о современных «знаковых» писателях, автор пишет: «...а теперь вертятся вокруг новых хозяев жизни с тем же выражением «дай, дай...» От их цинизма немеет ум... Никакой подлинной литературы на этом пути не возникнет, будет лишь привычное чесание пяток новым господам в старой обкомовской сауне, усталый телевизионный театр, дешевые хохмочки дежурных остряков, в очередной раз ставших людьми свиты». И далее как вывод: «Прежде чем придет новая литература, нужно воспитать в умело взбаламученном, запуганном и ослепленном обществе новое, трезвое сознание, понимание происходящего, открыть людям, читателям глаза».

Есть сегодня у нас писатель Федор Михайлович Ошевнев, малая проза которого

«обжигает» души читателей своей беспощадной правдой, помогает открыть глаза и лучше понять происходящее в стране. Десятки рассказов этого автора опубликованы в бумажных и электронных литературных журналах, но, как ни странно, литературные критики не сказали о нем пока ни слова. Не жалуют его и «ведущие» литературные журналы. Впрочем, это не удивительно.

Иван Шипнигов в своей статье «Толстый и еще раз толстый. Литературный журнал сегодня», вдоволь поиздевавшись над бездарными публикациями в журналах «Новый мир», «Знамя» и им подобным, отмечает: «У них у всех может не быть ни таланта, ни ума, ни чутья, и это, поверьте, не страшно. Страшно же, когда у литератора нет вкуса, вкуса вообще... Хороший вкус помогает бездарному писателю выкинуть ужасное произведение. Хороший вкус помогает глухому редактору выбрать наименее пугающее произведение из тех ста, что ему прислали. Но вкуса ни у кого из них нет, и вот это очень страшно».

Но мы-то видим, как буржуазное государство вот уже четверть века активно и умело работает над всесторонней деградацией россиян, — в результате чего художественные вкусы основной части населения деформировались до «неузнаваемости». Исключением не стали ни читатели, ни «инженеры человеческих душ». И эти «инженеры» кто за поиском куска хлеба, а кто в погоне за мнимой славой стали «гнать брак». Не отстают от них и главные редакторы многих литературных журналов.

Примечателен в этой связи редакционный ответ Федору Ошевневу, предложившему одному из таких журналов рассказ для публикации.

Редактор Г. Петров пишет автору: «Федор Михайлович! Ваш «Билет на тот свет» заслуживает глубокого уважения. Написан добротным русским языком, есть в рассказе места хорошей, сочной прозы, все повествование держится на сквозном нерве личного, до болезненности напряженного, неутомимо дотошного стремления докопаться до самого первого слова правды. И вот ведь как бывает: дотошность непростого, нелегкого поиска оборачивается нелегкостью чтения вашего произведения. Той нелегкостью, которая требует особого, редкого — волевого читателя. И редактор, одолевший Ваш рассказ, оказывается в крайне неловкой ситуации: признавая все его достоинства — не может поместить его в своем издании, ориентированном на «увлекательную читабельность» достойных в художественном плане публикаций. Сожалено, что пришлось ответить Вам таким вот образом».

Иначе говоря, современным литературным журналам требуется «увлекательная читабельность», а новые Достоевские им не нужны. Журналы (за редким исключением) уже не формируют художественный вкус читателей и не воспитывают патриотов. Им нужно «вписаться в рыночные отношения». Вот и идут они на поводу у такого читателя, которого воспитало и сформировало «для своих нужд» буржуазное государство.

Многие повествования Федора Ошевнева перекликаются с произведениями классиков русской литературы. В рассказе «Штопор» явно просматриваются персонажи лермонтовского «Фаталиста». У М. Лермонтова они — офицеры, и Ф. Ошевнева — одеты в форму курсантов летного училища. Но действие и у «классика» и у «современника» начинается с жаркого спора, финалом которого становится пари. Тема в обоих случаях одна: предопределенность судьбы. Параллели сюжетных линий бросаются в глаза. Не буду даже кратко анализировать этот рассказ. Прочитайте его — и вы согласитесь с моей оценкой.

А вот другой рассказ Ф. Ошевнева — «Конверт без обратного адреса». Читается на одном дыхании, вызывает боль и за нашу армию в целом, и за человека-солдата; и отвращение к офицерам-человеконенавистникам, и бурю других чувств.

Такое читательское восприятие свидетельствует о мастерстве автора. СМИ периодически информируют нас о различных трагедиях солдат-срочников, — и это подтверждает, что рассказ «построен на фундаменте правды».

Что, впрочем, и не удивительно. Автор прослужил в армии почти двадцать лет. Приходилось ему не раз бывать в «горячих точках», где проявляются не только лучшие, но и худшие человеческие качества. Так что армейскую жизнь Ф. Ошевнев хорошо знает изнутри.

В повествовании живо «схвачены» характеры, сюжет «скроен» виртуозно. Читаешь и задыхаешься от «свинцовых мерзостей нашей жизни».

Да, тема «маленького человека» и «униженных и оскорбленных» еще жива в русской литературе. Вопрос о том, нужен ли нам новый Достоевский, будоражит многих. В Интернете можно прочесть разные мнения на сей счет, — и это естественно.

Неестественными выглядят высказывания некоторых государственных деятелей и руководителей образования. Например, Анатолий Чубайс, оценивая личность и творчество Ф. М. Достоевского, высказался весьма откровенно: «Я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывает у меня желание разорвать его на куски». Ну, тут все понятно — клиника.

Не понятно выступление другого оратора. Людмила Вербицкая, Глава Российской академии образования, однажды заявила буквально следующее:

«Я, например, абсолютно убеждена, что из школьной программы «Войну и мир» Льва Толстого, а также некоторые романы Федора Достоевского нужно убрать. Это глубокие философские произведения, с серьезными рассуждениями на разные темы».

Оказывается старшеклассников, которым по 16—18 лет, надо оградить от «серьезных рассуждений на разные темы». С подобными руководителями наша страна так и будет топтаться на месте в любой области, будь то экономика или культура.

К счастью, существует и другое мнение. Статья «Для чего нужно сегодня читать Достоевского?» (авторы — Людмила Сараскина и Оксана Головки) заканчивается так: «Без него жить нельзя — если ты хочешь прикоснуться к тайнам бытия, понять, что происходит с тобой и с миром. Человек, который прошел «школу» Достоевского, прошел сквозь его романы — абсолютно вооружен, он понимает про эту жизнь очень многое».

А если читать Достоевского надо в обязательном порядке, значит, и новый Федор Михайлович нам крайне необходим. Вот эту свободную «нишу» в современной русской литературе и способен занять (видимо, сам того не осознавая) Федор Ошевнев.

Его рассказ «Впервые на посту» наполнен «литературным дыханием» и отличается глубоким психологизмом. Казалось бы, сюжет рассказа очень «скромен»: нет там завязки, действия, кульминации и развязки. Но читается с большим интересом.

Такое повествование литературоведы называют «точечная композиция». «Действие» протекает внутри героя и кульминации «следуют» одна за другой в его душе.

Ну чем может быть интересен рассказ, в котором часовой ходит туда-сюда по одной и той же дорожке? Однако, несмотря на кажущуюся простоту, этот тип композиции чрезвычайно сложен: от автора требуется сложить целую мозаику из мельчайших деталей подробностей, чтобы получить в итоге живую картину выбранного события. Другими словами, это момент жизни, рассмотренный через увеличительное стекло.

Автор умудрился найти большое в малом. Показал читателю, что для драматизма не нужна масштабность, что даже короткий эпизод может нести в себе огромный потенциал. Одна из функций художественной литературы, как известно, познавательная. И в данном рассказе эта функция представлена вполне добротной. Читатель, не побывавший в шкуре солдата-срочника, может приоткрыть для себя одну из страниц солдатского бытия. Оправданное неторопливое повествование, в котором сопряжены «мелочные» события и, как отголосок этого, изменения в психологическом состоянии молодого человека, впервые в жизни оказавшегося в роли часового, выполнено автором блестяще.

Иногда малую прозу Федора Ошевнева называют «жестоким реализмом». Полагаю, что эпитет «жестокий» здесь не совсем уместен, так как это слово имеет значение «не чувствующий жалости к другим людям». Герои рассказов, да, нередко жестоки. Но автор, показывая жестокость своих героев и выворачивая «наизнанку» низменность их душ, активно сострадает «маленькому человеку» из галереи «униженных и оскорбленных» в нашей сегодняшней жизни. При оценке малой прозы этого автора надо подобрать какой-то другой термин.

Есть у Ф. Ошевнева рассказы, которые, наверняка, произведут на читателей неоднозначное впечатление. Например, «Самосуд». Рассказ тяжелый, в каком-то смысле пессимистический, однако мастерски написанный и очень актуальный.

В этом повествовании до предела обнажены «болевы́е точки» нашего бытия. Фактически это — картина (хоть и малого формата) России после реставрации капитализма. Большие деньги решают все, или почти все. Противно и гадко это осознавать, но это так. Есть в рассказе и крошечный элемент воспитания. Прочитают прототипы всех этих гадов и гаденышей рассказ «Самосуд», и, может быть, кто-то из них задумается и в нужный момент инстинкт самосохранения у него сработает.

Кроме упомянутых рассказов заинтересованный читатель легко найдет в Интернете и множество других произведений Федора Ошевнева.

Я умышленно подробно не анализирую его тексты, не акцентирую внимания на художественно-изобразительных средствах языка. У меня другая задача: привлечь к малой прозе этого автора внимание читателей, литературных критиков и литературоведов. Многие рассказы Ф. Ошевнева стоят того, чтобы их читали, перечитывали, изучали в школе и на филологических факультетах; чтобы они стали объектом исследования специалистов.

Справедливости ради надо сказать, что иногда Федор Ошевнев, на мой взгляд, неоправданно увлекается очерковым стилем, и это обстоятельство несколько снижает художественную ценность его малой прозы. Вместе с тем, часто этот недостаток совсем не бросается в глаза: его «маскируют» яркие образы, глубокий психологизм и стремительный разворот событий.

Помню, когда мне было 18—20 лет и я мечтал стать писателем, издавались книжечки карманного формата серии «писатели о творчестве». В поисках этих брошюр я бегал по библиотекам, читальным залам и книжным магазинам. Разыскал около двух десятков таких книжек разных авторов и, стремясь овладеть писательским мастерством, вчитывался в наставления мэтров литературы. Некоторые из них категорически не рекомендовали тем, кто собирался стать писателем, идти в журналистику, чтобы не попасть в «капкан» очеркового стиля.

Федор Ошевнев, проработав военным корреспондентом полтора десятка лет, до конца не выбрался из этого «капкана». Но с учетом его упорства в изучении русского языка, беззаветной любви к русской литературе и немалого писательского опыта, нет сомнения в том, что он это сделает. И не зря же в свое время он окончил еще и Литературный институт им. А. М. Горького.

Федор Ошевнев продолжает активно совершенствовать свое писательское мастерство. В предисловии к его сборнику рассказов «У каждого — свое» Н. Атланова справедливо отмечает: «В последнее время Ошевнев все чаще стал выходить за рамки привычных тем, и его творчество приобрело недостававшее ему прежде разнообразие, широту охвата жизненных явлений; произошло расширение творческого пространства, что востребовало новые краски, способы и средства выражения».

Будем ждать от Федора Михайловича Ошевнева новых талантливых произведений. Уже нет сомнений в том, что он не подведет своего полного тезку — Федора Михайловича Достоевского.

Евгений Трещев
(г. Щекино)

ВСЕ ПРЕХОДЯЩЕ. НЕБО — ВЕЧНО...

Наш постоянный автор.

Из печати в издательстве «Аквариус» вышла новая книга Валерия Кулешова под названием «Память чувств. Избранное». В предисловии к этой книге автор пишет: *«Весть из инобытия, голос человека небесного, который, случается, дано принять человеку земному. Свет инобытия, открывающий безмерность пространства, дающий человеку возможность ощутить себя в целом во времени, ощутить его субъективность. Свет, в котором многозначие нашего мира и мироздания вообще. Это — поэзия. Она в любом из живущих. Поэзия есть то, что делает стихи заговором, а иногда — приближая их к молитве, не только определяет жизнь, но и, знаю, может спасти ее».*

Валерий Владимирович Кулешов — человек яркой индивидуальности, поэт интересный и одновременно сложный. Член Союза писателей России. Выпускник Литературного института имени Горького. Автор девяти книг, в том числе: «Зерна боли», «Мера времен», «Плоть песни», «Корни слова». Лауреат и дипломант литературных премий и конкурсов.

Первые впечатления о нем: высокий, подтянутый. Взгляд внимательный, изучающий. Но внутри у него все напряжено и может взорваться в любой момент.

Так мне показалось при первом знакомстве. Потом, читая его стихи, я увидел в них ту же напряженность на грани срыва, печаль, мечущуюся в поисках истины и любви душу поэта.

Я неоднократно слышал, что собственный поэтический мир для него является убежищем и источником, в котором он черпает силы. Творчество — смысл жизни поэта, не писать он попросту не может. *«Услышу ветер — вспомню песню, / что мне завещано сложить. / И обожгусь нежданной вестью, / и жить захочется, и жить...».*

В одном из интервью Валерий Владимирович сказал, что «поэзия не должна быть рассудочной, она есть то, что не из головы, а из сердца, не от разума, а от чувства, не столько от знания, сколько от интуиции».

Ярче всего представление о творчестве поэта дают сами его стихи. В них он старается заглянуть за грань реальности и открывает читателю удивительное по силе изображения метафизическое пространство, где «земное» контрастирует с ощущением «высшего смысла». Каждое стихотворение он пропускает через себя, поэтому строфы пропитаны его мироощущением. Не шаблонность самосознания определяет направление и особенности его творчества. У поэта особый почерк, особый строй художественных приемов. Его стихи — это поиск корней, сути происходящего вокруг него. Он одновременно сложен и прост, элитарен и доступен.

«Валерий Кулешов смотрит на мир как бы снизу вверх, чуть-чуть искоса. Это глаза раздумий. Вот почему детали в его стихах укрупнены, как бы поднесены близко к глазам... Он обращен в поиск. Но этот поиск — внутренний», — утверждал известный поэт Владимир Цыбин.

Думается, кредо В. Кулешова запечатлено в стихотворениях: *«Из точки вышли все пути, / а в точку по судьбе / нам суждено один пройти / путь: от себя — к себе...»*, *«Я лечу, я, сгорая, свечу, / освещаю и грею родимые стылые души...»*.

Его стихи нередко хранят в себе скрытые символы, помогающие почувствовать их особенность и раскрывающие новые грани лирического образа. Они оригинальны, таят в себе глубинный смысл. Автор просто видит мир по — другому, чем многие, и стремится сказать читателю свежее слово. Мы видим в его стихах необычное сплетение словосочетаний, образов, рифм, аллитераций. Многие его поэтические ассоциации необычны. Неисповедимы пути творчества!

Довольно часто неординарные взгляды Кулешова на жизнь, на отношения между людьми, на природу при беглом прочтении кажутся странными, не совсем понятными.

«Да, созданные им образы не каждый читатель сможет сходу расшифровать. Но, тот, кому все-таки удастся подобрать ключик к этому шифру, откроет для себя особый мир его творчества, глубину мыслей; и та глубина — бездонна! Глубина — космическая! Погружаясь в нее, открываешь для себя великую тайну, от которой становится страшно. Страшно от того, что прикоснулся к таинству Вселенной, таинству Мироздания, таинству человеческого бытия и нового познания самого себя» (Г. Маркин).

Поэтическая вселенная В. Кулешова не знает границ пространства и времени. Его лирика позволяет увидеть мир с необычной точки зрения: земная действительность — только отблеск, искаженное подобие запредельного мира. Это мир тончайших мимолетных наблюдений. *«И до меня доносит дрожь / вздох вечной тишины: / — Ты правды мертвых не поймешь, / боль не познав живых...»* (Зов).

Он признает религиозную подоплеку литературного творчества, отвержен христианским ценностям и находится в постоянных поисках единства «пространства-времени», в его стихах они пересекаются и совмещаются, начинают звучать с оглушительной силой (*«Суть сущего ищут в зерне, / великому не тесно в малом...»*). Или автор говорит: *«Все преходяще. Небо — вечно, / Мой путь земной, / влекомый ввысь любовью встречной, / обратно в Путь вольется Млечный. / Господь со мной...»*.

Над поэмой «Зов» Валерий Владимирович работал несколько лет. Она стала воплощением нравственных исканий поэта, его мыслей и идей. Круг переживаний поэта в ней широк и изменчив. Эпоха, описанная в ней, это смутное, тревожное безвременье. Как мне показалось, в ней звучат мотивы опустошенности, усталости, боли и чувствуются нотки обреченности. Но при этом автор утверждает: *«Когда сжигает душу боль, / яснее белый свет...»*.

Писатель Геннадий Маркин об этой поэме написал: «Чем-то тревожным веет от этих строк, чем-то страшным. И хочется закрыть книгу, убрать ее в дальний ящик стола. Хочется, но что-то неведомое останавливает, какое-то магическое чувство вновь и вновь притягивает к поэме; заново раскрываешь книгу, и вчитываешься в эти философские, пророческие слова».

А литературный критик Сергей Норильский о поэме говорит так: «Зов» Кулешова — поэма о боли. О людской, неиссякаемой. Слово БОЛЬ доминирует в тексте. В двуустах пятидесяти строках оно равномерно, в разных сочетаниях и склонениях использовано четырнадцать раз. Не в арифметике, разумеется, соль, однако такая броская частота употребления слова много значит... Всеобщая боль каждого за всех — спасение людей, уверен автор «Зова». *«Боль правит каждую судьбой, / кладет для жизни след... /, «Не на пустом возшла она: / на тех людских костях, / что многое простят сполна, / забвенья не простят»*. (Зов).

В отдельных случаях В. Кулешов экспериментирует в области ритмики, языка. Классическая четкость стихотворения перемешивается у автора со свободным стихотворным размером. Его стихи наполнены экспрессией. Стихи выигрывают от прочтения вслух. Это музыка слов, которая очаровывает. Каждый звук здесь имеет свое

значение. Родник его поэзии неисчерпаем: *«Слово идет от сердца, / что не устало гореть. / Будет чем мне согреться, / да и других согреть...»*.

Лирика поэта многообразна и несет в себе внутреннее напряжение. Воссозданные в его произведениях многообразные оттенки природы придают его стихам изящество и глубину. На вопрос: Какие стихотворения у Кулешова лучшие? Ответу: для меня, несомненно, это: «Я вернусь сюда...», «Портрет», «Встреча», «Совесть», «Услышу ветер...», «Кладу я на ветер имя...», «Радости мало, много — печали...», «Раскрою двери — никого...», «Власть огня», «Няня», «Родник», «Память чувств», «Хитро-сплетение судеб...», «Сумеречная баллада», «Одиночество», поэма «Зов».

Жизнь — предмет его постоянного изучения. Поэзию он определяет через пронзительные проявления жизни во всей ее простоте и величии. Для него творчество и есть жизнь. *«И нам не уйти от судьбы. / Даются шаги все больнее. / И ясно, что жизнь — исполненье / объемлющей землю любви»*, — пишет он в стихотворении «Какое широкое поле...»

Поэзия В.Кулешова призывает вслушиваться в его стихи, всматриваться в мир, созданный им.

А по мнению писателя А. Коновалова: «Такие стихи нельзя читать в спешке, торопливо проглатывая слова и строчки, в противном случае ты не почувствуешь неповторимый творческий «вкус» каждого слова поэта. Мне, чаще всего, читая его стихи, хочется уединиться...».

Его поэзия лишена мелочности и суетности и при этом созвучна своему времени. Он пытается в стихах осмыслить бытие, узнать смысл человеческой жизни, в том числе и своей: *«Я и живу, / откуда выхаживаю / в слове посеянный свет...»*, — говорит автор.

Почти каждый поэт пишет стихи о любви и дружбе, о Родине и природе, затрагивает проблемы взаимоотношения с миром. Все это нашло отражение и в творчестве В.Кулешова. Истинное чувство отражено в них очень проникновенно: *«И голос незримой птицы / любовью моей дрожит... / Чтoб этому в мире сбыться, / на свете и надо жить...»* (Кладу я на ветер имя...), *«И пусть в конце, в том шорохе песчаном, / что долетит из дали голубой, / услышу перед вечными ночами: / «Все станет прахом... Но жива — Любовь»*. (Сумеречная баллада).

В стихах Валерия Владимировича чувствуется медитативность, а отсюда и хрупкость. Ощущение одуховленности пространства рождает тишину и тайну, исходящую от поэтических строк: *«По краю земного причала / идем, разрывая сердца: / приходим, не помня начала, / уходим — не зная конца...»* (В. Кулешов). «Надо сильно чувствовать, чтобы другие чувствовали», — говорил Н. Паганини. Главная трагедия человека в утрате любви и веры в нее. Многое должно пройти через сердце поэта: *«Даже если не станет меня, / ты живи еще долго на свете. / На какой-то счастливой планете / я тебя подожду после смерти, / недопетою песней маня»*.

Читал книгу и вдруг изумился, дойдя до стихотворения «Мне снилось — умирает мать...»: *«Мне снилось — умирает мать, / в изломах света вспыхнув тонко, / в ее чертах черты ребенка / я зачарован узнавать. / Разверзлись небо и земля. / Она качнулась в мягком звуке, / исчезло все, остались — руки... / О, слава Богу: умер — я»*. Действительно, самое страшное и тяжелое, что может пережить каждый из нас, — это потеря близкого человека. Земля словно уходит из-под ног. Даже спустя многие годы малейшее напоминание об утрате вызывает интенсивное переживание. Но стихотворение, написанное Кулешовым, как мне кажется, это не только реакция поэта на такую утрату. Это произведение имеет более глубокий философский смысл: человеку мало выстоять и пережить потерю, не разрушаясь. Своего рода перерождение — вот что, в лучшем случае, ждет его...

Валерий Владимирович Кулешов, как мы видим, достиг зрелой оригинальности поэтической мысли. Свидетельством нового, более высокого уровня развития поэта и является книга «Память чувств. Избранное».

Олег Сешко
(г. Витебск)

ВИТЕБСКИЙ ЛИСТОПАД — 2018

Член оргкомитета Открытого фестиваля авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад — 2018». Капитан 2 ранга запаса. Лауреат международных литературных конкурсов и фестивалей в Беларуси, России, Украине, Финляндии, Германии. Живет в Витебске.

Отгремел концертами, отшумел конкурсами и творческими встречами, отзвенел гитарными струнами XXXII Открытый фестиваль авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад». Один из самых фееричных фестивалей Республики Беларусь в данном направлении, старейший на постсоветском пространстве (проводится с 1987 года в городе Витебске ежегодно), в этот раз собрал около двухсот участников из девяти стран мира. Поэты, авторы-исполнители, художники, перформеры из Беларуси, Германии, Египта, Израиля, Казахстана, Латвии, России, Украины и Эстонии с 18-го по 21-е октября получили возможность знакомства, общения, обсуждения творчества друг друга и последних тенденций развития культуры представляемых ими стран.

Организатором фестиваля выступил Центр культуры «Витебск» при поддержке Витебского городского исполнительного комитета. Руководитель проекта — Владислава Цвики.

Что касается поэтической части, то в этот раз она была особенно насыщена и разнообразна.

Восемнадцатого октября, еще до начала основных конкурсных мероприятий и официального открытия фестиваля в выставочном зале «Духовской круглик» состоялся «Турнир поэтов». Участие в нем мог принять любой желающий из числа аккредитованных на фестивале, решивший представить на суд публике одно из своих стихотворений, а победитель определялся простым голосованием зрителей. Зрители отдали свое предпочтение Дмитрию Юртаеву — поэту из Минска, который и получил диплом фестиваля.

В этот же день в ложе «А» Концертного зала «Витебск» начало свою работу «Уличное кафе» с «Открытым микрофоном». Открытый микрофон — продолжение старой, доброй традиции фестиваля. К сожалению, температура наружного воздуха не располагала к настоящим уличным выступлениям, но импровизированная кофейня с горячим ароматным кофе, уютными скамеечками под фигуристыми фонарями, осенними букетами из кленовых листьев на аккуратных столиках, заводным ведущим — автором-исполнителем из Витебска Виктором Пахомчиком, было ничуть не хуже. Вот где каждый мог раскрыться по полной и познакомиться с творчеством окружающих. За все дни фестиваля «Уличное кафе» никогда не пустовало.

Девятнадцатого октября в здании Центра культуры «Витебск» прошли «Дни портала «Stihi.lv». Портал «Stihi.lv» является крупнейшей конкурсной интернет-площадкой, на которой проводятся такие масштабные конкурсы как «Кубок мира по русской поэзии» и «Открытый чемпионат Балтии по русской поэзии». Около тридцати участников из Беларуси, России, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, в числе которых победители и лауреаты названных конкурсов, смогли встретиться, познакомиться, поделиться своим творчеством с любителями поэзии и провести время вместе. Открыл мероприятие Евгений Орлов (Рига, Латвия) — организатор портала «Stihi.lv», бесценный ведущий и председатель оргкомитета «Кубка мира по русской поэзии» и «Открытого чемпионата Балтии по русской поэзии». Ведущими выступили постоянные обозреватели портала — Олег Смагин (Минск, Беларусь) и Владимир Гутковский (Киев, Украина).

Днем ранее состоялся финал Открытого конкурса авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства «Витебский листопад-2018» в номинации «Поэзия».

Лауреаты конкурса во всех номинациях («Поэзия», «Авторская песня», «Исполнительское мастерство») выступили двадцатого октября в гала-концерте закрытия, там же и состоялась церемония награждения победителей. Кроме того, в рамках гала-концерта была вручена премия «За вклад в развитие фестиваля», которую получили кураторы поэтической части — Олег Сешко и Елена Крикливец.

Завершил поэтическую программу фестиваля концерт «Наречие рек». Он прошел в последний день фестиваля в круглом зале Концертного зала «Витебск», открылся удивительным представлением молодежного театра «Колесо» и объединил в своей программе участников «Дней портала «Stihi.lv», гостей фестиваля, известных витебских авторов-исполнителей, членов жюри и лауреатов открытого конкурса в номинации «Поэзия».

Пришла пора назвать лауреатов. Призовые места по итогам Открытого конкурса авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства «Витебский листопад — 2018» распределились следующим образом.

Подноминация «Поэзия. Свободная тематика»:

Лауреат I степени — Марина КРУТОВА (Тверь, Россия)

Лауреат II степени — Павел СОЛОВЬЕВ (Гродно, Беларусь)

Лауреат III степени — Саша МОРОЗОВ (Смолевичи, Беларусь)

Подноминация «Поэзия. Юмор»:

Лауреат I степени — Павел СОЛОВЬЕВ (Гродно, Беларусь)

Лауреат II степени — Марина КРУТОВА (Тверь, Россия)

Лауреат III степени — Александр ДОРОЖИНСКИЙ (Сергиев Посад, Россия)

Кроме дипломов фестиваля, которыми наградили лауреатов конкурса, наиболее яркие его участники получили призы симпатий известных литературных изданий России, Беларуси, Украины, Франции, решивших оказать фестивалю информационную поддержку.

Всероссийский литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» (г. Тула, Россия) публикует на своих страницах подборки победителей конкурса в номинации «Поэзия».

Приглашаем читателей журнала принять участие в Открытом фестивале авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад — 2019»!

